

УДК 94 (470.6) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.7>

Ю.Ю. Клычников

ПОЛЬСКИЙ СЛЕД НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФРОНТИРЕ КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ РГА ВМФ)

Статья посвящена участию выходцев из Польши в событиях на Черноморском пограничье Российской империи в 30 – 60-х годах XIX в. Помимо службы в сухопутных частях, поляки привлекались и на военные корабли, принимали участие в охране и обороне границ империи. На них распространялись те же права и обязанности, как и на прочих подданных российской державы. За свою беспорочную службу поляки получали награды, могли заслужить отпуск, а за проступки подвергались наказанию. Они участвовали в различных военно-политических событиях, связанных с закреплением российского влияния на новых рубежах, что нашло отражение в документах, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота.

Часть польского общества не смирилась с утратой своей государственности, а потому в этой среде встречались сторонники продолжения вооружённой борьбы

против империи. В поисках союзников они отправлялись на Кавказ, чтобы поддерживать горцев в их противостоянии с Россией. Это заставляло местные власти проявлять осторожность к лицам польского происхождения из опасения их дезертирства и различных враждебных действий. Не стал исключением и Черноморский флот, моряков которого пытались распропагандировать революционные эмиссары. Но судя по сохранившимся данным, массового отклика такая агитация не получила, и моряки-поляки сохраняли преданность воинской присяге.

Ключевые слова: поляки, флот, корабли, штаб, министерство, пропаганда, горцы, укрепления.

Для цитирования: Клычников Ю. Ю. Польский след на черноморском фронтире Кавказа (по материалам РГА ВМФ) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 61–67. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.7

Yurii Yu. Klychnikov

POLISH TRACE ON THE BLACK SEA FRONTIER OF THE CAUCASUS (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF THE NAVY)

The article studies the participation of immigrants from Poland in the events on the Black Sea border of the Russian Empire in the 30s - 60s of the XIX century. In addition to serving in land units, the Poles were also involved in warships, took part in the protection and defense of the borders of the empire. They were subject to the same rights and obligations as other subjects of the Russian state. For their blameless service, the Poles received awards, could earn a vacation, and were punished for misconduct. They took part in various military and political events related to the consolidation of Russian influence on new frontiers, which was reflected in the documents stored in the Russian State Archives of the Navy.

A part of Polish society did not accept the loss of its statehood, and therefore there were supporters of the continuation of the armed struggle against the empire among them. In search of allies, they went to the Caucasus

Присутствие поляков на Кавказе не раз попадало в поле зрения исследователей, которые акцентировали внимание на разных обстоятельствах данного явления. Как правило, всё это было связано с особенностями российской политики в регионе, участниками которой становились польские подданные империи, а также её противники. В ряде работ речь шла о внешнеполитических аспектах, приведших к массовому появлению здесь польского населения [17; 2]. Другие посвящены различным сторонам жизни этих людей в

to support the highlanders in their confrontation with Russia. This forced the local authorities to be wary of people of Polish origin, fearing their desertion and various hostile actions. The Black Sea Fleet was no exception, the sailors of which were trying to propagate the revolutionary emissaries. But judging by the surviving data, such agitation did not receive a massive response, and the Polish sailors remained loyal to the military oath.

Key words: Poles, navy, ships, headquarters, ministry, propaganda, highlanders, fortifications.

For citation: Klychnikov Yu. Yu. Polish trace on the Black Sea frontier of the Caucasus (based on materials from the Russian State Archives of the Navy) // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 61–67. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.7

условиях военного противостояния в крае [1; 16; 6; 3; 4; 5]. Однако сложность в изучении заявленной проблемы заключается в недостаточной источниковой фундированности темы, а потому введение в научный оборот новых материалов видится актуальной задачей в современной российской полонистике.

Давая оценку вклада польских военнослужащих в осуществлении российского имперского курса на Кавказе, как правило, обращают внимание только на тех, кто проходил службу в ря-

дах Отдельного Кавказского корпуса и принимал участие в охране и обороне сухопутной границы. Между тем поляки находились и в составе Черноморского флота, который активно привлекался к борьбе с контрабандой и пиратством в этом регионе. Корабли участвовали в крейсерских операциях, осуществляли высадки десантов, поддерживали связь с гарнизонами прибрежных укреплений, снабжая их всем необходимым, а также помогая отражать нападения горских отрядов. Точную численность поляков на кораблях пока установить не представляется возможным (не исключено, что это вообще неосуществимая задача), но то, что они там были, сомнения не вызывает.

Правительство не стремилось применять по отношению к выходцам из Польши исключительно карательные меры и поощряло их за лояльную и добросовестную службу, по окончании которой они могли отправиться домой. В этой связи наглядным представляется следующее распоряжение, доведённое до сведения Главного командира Черноморского флота и портов, датированное весной 1839 г.: «Государь Император высочайше повелеть изволил нижних чинов уроженцев польских, кои по служению в бывших Польских войсках смещены были за маловажные проступки из унтер офицеров в рядовые без суда, увольнять в бессрочный отпуск, на правилах, утвержденных 10-го января 1838 года, по выслуге ими узаконенного срока, засчитав в оный и то время, которое они прослужили до штрафования» [12, л. 1].

Судя по сохранившимся в архивных материалах свидетельствам, поляки-моряки заслужили право на отпуск на родину, о чём поступило соответствующее распоряжение командования. Но не обходилось и без определённых ограничений, что видно из переписки между департаментом Морского министерства и Штабом Черноморского Флота и Портов. В конце декабря 1836 г. до моряков было доведено следующее Высочайшее Повеление: «Государь Император по возникшему вопросу могут ли быть увольняемы в обыкновенные домовые отпуска состоящие в Российской службе польские нижние чины, Высочайше повелеть изволил: по причинам уважительным входить о сем каждый раз с представлением, означая как имя просителя, так и причину, по коей просит увольнения» [9, л. 1].

Исходя из этой воли монарха, согласно дополнению к циркулярному предписанию от 25 сентября 1839 г., следовало, что «нижних чинов поступивших из бывшей Польской армии, польских и литовских пленных из рекрут по наборам в Царстве Польском в домовые отпуска не были увольняемы без особого на сие разрешения, а таких из них, кои по хорошему во всех отношениях поведению и по уважительным в полной мере причинам будут заслуживать увольнение в

отпуск, от Вашего Превосходительства (речь идёт о контр-адмирале Степане Петровиче Хрущове. – Ю. К.) будет зависеть войти с представлением о исходатайствовании Высочайшего по сему предмету повеления» [9, л. 4].

В апреле 1837 г. поступил запрос, в котором из Штаба просили уточнить следующее: «Высочайше утвержденным в 22 день июля 1836 года положением о бессрочных отпусках нижних чинов морского ведомства, назначено увольнять в чистую отставку нижних чинов ежегодно к 1-му января за выслугу в гвардейском экипаже 22-х, а в прочих войсках флота 25-ти лет. Как же в Черноморском флоте находятся нижние чины, поступившие из бывшей польской армии, состоящие на 15-летнем сроке равно и определенные на службу из арестантов за примерное поведение во время бывшего в Севастополе возмущения, коим по особому Высочайшему Повелению положен 10-ти и 15-тилетний термин службы, с зачетом в оный за службу времени нахождения их в арестантских ротах, а потому я имею честь отнестись в Инспекторский департамент Морского министерства, прося покорнейше почтить меня уведомлением для руководства. Могут ли быть помянутые нижние чины вместе с прочими увольняемы в отставку ежегодно к 1-му января за выслугу определенных им сроков службы без особого каждый раз на увольнение их разрешения» [10, л. 1, 6].

На это было дано следующее пояснение: «Инспекторский департамент Морского министерства имеет честь уведомить, что разрешения на увольнение от службы нижних чинов бывшей польской армии, а равно и поступивших из арестантов, за выслугу к 1 января установленных сроков не имеется, но что отставка сим людям даётся по особым представлениям их начальства» [10, л. 6].

В случае потери здоровья моряка передавали заботам благотворительных организаций. Так поступили с матросом Якубом Ткачем, сплывшим из «экипажа за слепотою на оба глаза в богоугодное заведение Херсонского приказа общественного призрения» в 1846 г. [15, л. 1]. Он отправился в отпуск в Польшу, но «оказался не имеющим средств к возвращению оттуда», а потому Канцелярия Наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском «просила его определить на казенное содержание с причислением к Люблинской инвалидной команде» [15, л. 1 об.]. Было принято решение исключить его из ведомства Херсонского приказа и оставить «на место родины», т.е. в Люблинской губернии. Это была обычная практика не только для моряков Черноморского флота. К примеру, «по Балтийскому флоту совершенно неспособные нижние чины из польских уроженцев...» помещались «в Варшавский институт благотворительного общества» [15, л. 6].

Как и в сухопутных частях, на выходцев из Польши, проходивших службу в составе Военно-Морского Флота, обращалось пристальное внимание со стороны командования, опасавшегося проявления их нелояльности к российской власти. Командирам кораблей давались распоряжения установить наблюдение за такими матросами, тем более что существовали прецеденты, когда на свою паству через проповеди пагубно влияли римско-католические священники. Они также контролировались командованием, что подтверждается присылаемыми инструкциями. Примером тому является распоряжение из Морского министерства на имя адмирала Михаила Петровича Лазарева от 12 апреля 1839 г. В нём говорилось следующее: «Некоторые из римско-католических священников, определенных для совершения духовных треб нижним воинским чином из уроженцев польских, принадлежащих к Римской церкви, поступками и внушениями своими не отвечают своему призванию.

Управляющий Министерством внутренних дел, желая по возможности предупредить на будущее время всякий повод к подобным поступкам сих духовных, с прямою их обязанностию несогласных, просит распоряжения начальника Главного морского штаба о принятии надлежащих мер, но без всякой огласки, к учреждению бдительного надзора за римско-католическими священниками, совершающими требы нижним чином сего вероисповедания из уроженцев польских, дабы духовные сии не вдавались ни в какие несовместные с их саном связи и толки; и старались единственно назидать паству свою в правилах чистого христианского учения и священном долге верных подданных.

О чем по приказанию начальника Главного штаба его императорского величества я имею честь сообщить вашему превосходительству для зависящего от вас, милостивый государь, распоряжения к учреждению бдительного надзора за римско-католическими священниками, совершающими требы нижним чином морского ведомства их церкви...» [13, л. 1-1 об.].

Любопытны некоторые биографические факты из формулярных списков польских моряков, позволяющие узнать подробности их службы, в которой было место как героизму, так и неблагоприятным поступкам.

В фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) содержатся упоминания о некоем матросе 1-й статьи Александре Станиславе сыне Бенковском, которому на момент смерти в 1865 г. было 43 года. Он был выходцем из «из мещан Царства Польского» и призван на службу в ноябре 1849 г. и первоначально определён в арсенальную роту мастеровым, а затем переведён в ластовый экипаж, куда попадали чины не способные к службе

во флотских экипажах. В нём он пробыл до сентября 1860 г., после чего был зачислен «во 2-ой учебный морской экипаж служителем». Вскоре, в начале марта 1861 г., его переводят «во 2-й сводный экипаж матросом». Видимо, ограничений по здоровью к службе в море у А.С. Бенковского не было, и то, что он начал свою карьеру на берегу, связано с общим уровнем его профессиональной подготовки. В дальнейшем в послужном списке значится: «переведён в 1 статью в 1-й Черноморский сводный флотский экипаж 1 марта 1864». Матрос участвовал в Крымской (Восточной) войне, будучи в составе гарнизона в Николаеве, а затем проходил службу на одном из черноморских корветов. В 1864 г. он находился на берегу, но уже на следующий год на азовских казачьих баркасах. Здесь его жизненный путь прервался. Что послужило причиной смерти, в документе не указывается.

За всё время службы он ни разу не был в отпуске, что, видимо, объясняется рядом дисциплинарных проступков, совершённых А. С. Бенковским. В представленной последним начальником моряка ведомости об этом говорилось следующее: «1. По конфирмации г. исправляющего должности начальника артиллерии Черноморского флота 10 октября 1853 г № 1426 за вынутые из окна кладовой Артиллерийской кузницы рамы в бытность его 25 числа июня дневальным и попусциии сделать воровство, а также ложный оговор прапорщика Крылова, что будто бы раму вынуть он приказал прогнать шпицрутенами чрез 500 человек один раз.

2. В 1854 году по докладу аудиториата Черноморского штаба от 2 июня № 753 утвержденному Г. Главным командиром за попусциии вынести из Адмиралтейства сделанные из железа подковы, скрывание лиц, от кого приобрел железо и ложны оговор рядового Иванова в принятии 60 коп. в подкуп, за пропуска с означенными подковами наказан шпицрутенами чрез 500 человек два раза.

3. Главного командира Николаевского порта от 6 января 1865 года № 670 за принятие в свою квартиру находящихся за конвоем двух преступников и снабжение их с дозволения конвойных водкой за деньги, полученные от арестантов, за что вменены в наказание бытность под судом и содержание более года под арестом» [8, л. 36 об. – 38].

Обращает на себя внимание третий пункт этого списка. Согласно приговору, А.С. Бенковский должен был находиться под арестом, но оказался в составе экипажа казачьего баркаса. Возможно, его заключение было заменено на эту опасную службу, где и нашёл свою смерть польский моряк.

Ещё одним упомянутым в документе моряком был «Якуб Валентьев сын Внук католического вероисповедания» 34 лет от роду. Он был выходцем из Люблинской губернии, откуда призвался на службу в конце ноября – начале декабря 1853 г.

Я. В. Внука зачислили в 41 флотский экипаж матросом 2-й статьи, в котором он служил вплоть до сентября 1858 г., когда был отправлен в «бессрочный отпуск». За это время он был награжден медалями: «Серебряную за защиту г. Севастополя на Георгиевской лента и Бронзовую в память войны 1853 – 1856 на Андреевской ленте». Будучи в бессрочном отпуске, он оказался в поле зрения полиции и «был под судом за воровство вещей, и по конфирмации начальника дивизий Черноморских морских экипажей 28 числа ноября 1859 г. прогнать чрез 100 человек три раза и обращен из бессрочного отпуска на службу».

В графе «Во время службы своей был ли в походах в делах против неприятеля» содержалась следующая информация о Я.В. Внуке: «1854 при берегу и был в сражении при защите г. Севастополя с 13 сентября 1854 по 24 августа 1855 г. 1856–1858, 1859 при берегу и на винтовой шхуне Псезуапе за что к общей службе прибавлено 11 лет 5 мес. и 18 дней. 1864 в Николаеве и при берегу. 1865 на Азовских казачьих баркасах» [8, л. 54 об.].

И, наконец, третьим упомянутым в посмертном списке являлся 35-летний «Банифант Тимофеев Сын Высоцкий католического вероисповедания». Он вступил в службу «из крестьян Люблинской губернии Красноставского уезда деревни Стов» в декабре 1852 г. в 12-й рабочий экипаж. Судя по всему, у вчерашнего сельского жителя была возможность обучиться новым навыкам, а потому в его послужном списке 28 марта 1853 г. он упоминается как мастеровой 4-го класса. При этом поляк так и не овладел русской грамотой, что и отметили в соответствующем разделе документа.

В начале октября 1858 г. его зачисляют в 11 рабочий экипаж, а 17 января 1863 г. «в 1-й Черноморский сводный флотский экипаж». Что касается участия в походах против неприятеля, то здесь Б.Т. Высоцкий был «1864 г. в компании на императорской яхте «Тигр», на которой находился в отряде судна при перевозке десантных сухопутных войск на Кавказе. 1865 г. на Азовских казачьих баркасах». За время службы моряка наградили бронзовой медалью и нашивкой «за 6-ти летнюю беспорочную службу» [8, л. 80 об. – 81].

Флот должен был пресекать проникновение на Кавказ тех поляков, которые обвинялись в антирусской деятельности и, по сведениям русской разведки, собирались прибыть в край, чтобы установить связь с «немирными» горцами. Так, 25 сентября 1838 г. командир Севастопольского порта получил копию секретного отношения М. С. Воронцова, адресованного командующему Отдельным Кавказским корпусом Е. А. Головину, о замысле нескольких польских инсургентов появиться на вверенной его попечению территории. В частности, сообщалось, что «...в минувшем апреле четверо польских выходцев, а именно:

полковник Инокентий Городинский, штаб-лекарь Наполеон Мединский, капитан Онуфрий Гродецкий и подпоручик Викентий Городинский после 15-ти дневного пребывания на острове Митилене (?), сматривавшие тамошний край и устроившие способы к переписке с Малой Азией, отправились в Кидожес /Анвали/, а оттуда в Смирну и Константинополь. Он принадлежат к новому тайному обществу, образовавшемуся из остатков обществ юной Италии и юной Франции и предполагают начать в самом Боспоре выполнение одного злодейского умысла. По принятому ими в том виду, плану, полковник Городинский остановится там ненадолго; ему назначено пробраться под названием купца в кр. Анапу, направить оттуда свой путь в Южные губернии Российской империи для исполнения преступных намерений и заведения сношений, а трое других должны остаться в Константинополе с тем, чтобы исполнить одни в высшей степени преступный замысел, а в случае неудачи направить свой путь к Валахии и Молдавии, стараться перейти границу и поселиться в Южной России для приведение в действие других равно преступных намерений; эти люди имеют при себе разные инструменты для печатания и литографирования, а также запас фальшивых паспортов и других подобных документов» [11, л. 1-1 об.].

Надо отдать должное русской разведке, она смогла собрать весьма подробные сведения о злоумышленниках, в числе которых были и приметы этих людей. Все они доводились до заинтересованной стороны и могли помочь в поисках и задержании польских революционеров: «1. Полковник Инокентий Городинский, лет 45-ти, росту среднего, лицо у него с оспинными знаками, волосы на голове седоватые, глаза голубые, говорит свободно по-турецки, а также по-итальянски и по-французски. Особая примета – часть волос над лбом обрита, в знак данной им клятвы обречения на смерть для достижения цели общества. Надобно полагать, что он жил несколько времени в Кавказском крае. 2. Штаб-лекарь Наполеон Мединский, лет 29-ти, росту небольшого, волосы на голове каштановые, носит очки. 3. Капитан Онуфрий Гродецкий, лет 55-ти, росту небольшого, волосы на голове седые, говорит по-турецки. 4. Подпоручик Викентий Городецкий, лет 28 или 30, росту довольно большого, худощав, белокур, глаза у него голубые» [11, л. 2].

Предполагалось, что власти могут столкнуться со следами пропагандистской работы этой группы. Видимо, с этой целью был отправлен и пример того, с какими призывами инсургенты обращаются к своим предполагаемым сторонникам, какие доводы находят для потенциальных рекрутов в свои ряды. В перехваченной прокламации, в оригинале написанной на польском языке и переведенной на русский, говорилось: «Соотечественники! Бог отцов наших посылает вам ангела утешителя,

вверьте ему свою судьбу – он обеспечит вам всякую помощь. Положитесь на него всю душою: об этом просим (?) Вас ради любезного Отечества. Примите от нас братское приветствие (?) именем эмиграции. Подписали: полковник Инокентий Горюшинский, штаб-лекарь Наполеон Мединский, капитан Онуфрий Гродецкий, подпоручик Викентий Городецкий» [11, л. 3].

Вся эта информация была передана «командиру крейсирующих у Абхазских и Черкесских берегов судов, на предмет бдительного осмотра судов, там плавающих, и взятия, если бы оказался на них кто-либо из означенных преступных лиц, так равно и исправляющему должность временного в Севастополе военного губернатора для принятия подобных же мер относительно частных лиц, кои находятся или будут приезжать в Севастопольский порт; усугубив бдительность и в рассуждении надзора за благосостоянием порта и судов в гавани стоящих» [11, л. 4 об.].

Оживлённая переписка велась в 1846 г. между начальником Штаба Черноморского Флота и Портов Степаном Петровичем Хрущовым и Начальником флотской дивизии в Севастополе Федором Афанасьевичем Юрьевым, после того как последний «при осмотре ... команды шхуны «Вестник», отправляющейся за границу, нашел, что на оной состоят для компании два матроса из поляков, но как ваше превосходительство в бытность вашу в Севастополе, изволили лично мне объявить, чтобы как поляков, татар, так и вольных матросов за границу на суда не были назначаемы, то с сего поводу я приказывал командиру означенного судна двух поляков переменить, но командир того судна капитан-лейтенант Скаловский (Николай Иванович. – Ю.К.) мне доложил, что оные поляки им берутся с согласия вашего превосходительства» [14, л. 1].

На этот запрос от С.П. Хрущова последовало пояснение, согласно которому «...если Командиром шхуны «Вестник» при отбытии за границу взяты два матроса из уроженцев Царства Польского, то вероятно командир удостоверился лично в их поведении, но во всяком случае покорнейше прошу приказать придворить капитан-лейтенанта Скаловского, что в случае отлучки которого-либо из тех матросов за границу, то это останется на особенной его ответственности» [14, л. 2-2 об.].

Такое предубеждение относительно моряков-поляков появилось вследствие поступившей информации о том, «что эмиссары польской пропаганды с некоторого времени устремились в Турцию с целью действовать отсюда во вред России. Приезжая на Восток с французскими или английскими паспортами, злоумышленники там безопаснее предаются свои проискам, что как иностранцы они не подлежат надзору турецких властей, а пользуются покровительством французского или английского посольств в Кон-

стантинополе. За ними учреждено в таких обстоятельствах со стороны Императорской Миссии неослабное наблюдение, и мы всячески стараемся препятствовать совершению злонамеренных предприятий поляков, здесь находящихся. Таким образом, на сих днях до моего сведения дошло, что польские эмиссары, замыслив собрать здесь до 120 человек празднующихся и отправить их в Черкесию, вошли в связи с матросами из поляков, находящимися на состоящих при Миссии военных судах, пароходе «Силач» и шхуны «Забияка», и успели будто бы склонить некоторых из них к побегу. Уже назначен был день для приведения в действие сего намерения, и имелась даже надежда, что к матросам из поляков присоединятся и несколько русских, и таким образом образуется достаточное число людей испускных в мореплавании для перевоза в Черкесию собранной эмиссарами партии. При первом о том известии я пригласил командиров означенных военных судов г. капитана 2-го ранга Манганари и лейтенанта Никонова усугубить надзор за имеющимися в экипажах их матросами из поляков, что по всем вероятностям и не допустить к осуществлению покушения польских выходцев проникнуть в Черкесию» [14, л. 3-4].

Вместе с тем отмечалось, «что Миссия доселе не получила достоверных указаний, на коих можно бы было основать судебное исследование над упомянутыми матросами. По отзывам г. Манганари и Никонова матросы сии не подавали поныне никакого повода к подозрению, а иные из них всегда отличались хорошою нравственностью и расторопностью. А потому в случае если не представится убедительнейших доказательств в существовании заговора, мне казалось бы достаточным ограничиться продолжением за матросами из поляков строгого надзора, тем более что отозвание их теперь же в Россию могло бы произвести неблагоприятное впечатление, между тем как уничтожение настоящего покушения, может быть, сделает более осторожными тех, которые сманивали их.

Нельзя не предвидеть, что подобные попытки возобновятся со стороны польских эмиссаров и что, действуя лукавыми внушениями на матросов наших, польского происхождения, они будут стараться совращать их. Способы к тому довольно удобны в константинопольском порте, где при всей бдительности командиров судов наших, они не всегда могут помешать побегу. По сим уважениям не признано ли будет вашим высокопревосходительством полезным, чтобы на будущее время на военных судах, отправляемых в Турцию и Грецию находилось сколь можно меньше поляков; если нельзя вовсе устранить их от такового рода заграничных кампаний» [14, л. 4-5 об.].

Эти данные на имя М.П. Лазарева поступили по каналам Министерства иностранных дел из российской миссии в Константинополе от статского советника Михаила Михайловича Устинова

и заслуживали самого пристального внимания. Отсюда и возникшие вопросы к капитану судна, на котором несли службу польские моряки.

Следует отметить, что на русских кораблях поляки были не редкостью и, видимо, не доставляли капитанам особых хлопот. Они удостоились лестных характеристик своей ответственностью и дисциплиной, к примеру, на упомянутой шхуне «Забияка» несли службу «38-го флотского экипажа, матросы Павел Визур, Валентий Здыхович, Томаш Дзюбинский, Павел Васюк, Андрей Новочин, 6-й артиллерийской бригады, канонир Матвей Мойда» и, по словам капитана 2-го ранга Михаила Павловича Манганари, «означенные люди, наравне с прочими спускаемы были на берег и всегда являлись на судно в свое время, и до ныне вели себя вообще весьма хорошо; хотя матрос Визурь и канонир Мойда, в прошлом году в апреле месяце были в отлучке, но после полутора суток добровольно явились на судно, и с тех пор ведут себя хорошо» [14, л. 9-9 об.].

Капитан 2-го ранга А.Г. Усов, командовавший паруснофрегатом «Крым», докладывал, что под его началом находятся 29-го экипажа: матросы Петр Ковальский, Демьян Вольсгох, Варфоломей Пшкунь; мастеровые: 12-го экипажа Карл Тиль, 14-го Людвиг Венюкович, 15-го Мартын Круглой. И они, «во все временахождения их на пароходе вели себя хорошо, и всегда вместе с прочими были отпускаемы на берег, и возвращались всегда в свое время» [14, л. 10].

На пароходе «Силач» находилось шестеро поляков. Это «41-го флотского экипажа матрос 1 статьи Доминик Плясецкий, 12-го рабочего экипажа Мастеровые: 4 класса Семен Хождевич, 3 класса Михайло Жукальковский, 15-го рабочего экипажа Мастеровые: 2 класса Семен Желинский, 3 класса Франц Манюк, 16-го рабочего экипажа Мастеровой 2-го класса Адам Покора» [14, л. 17 об.]. По словам командира корабля лейтенанта Никонова, «означенные нижние чины напред сего были отпускаемы вместе с командою на берег и на всегда являлись в свое время, и ведут себя очень хорошо» [14, л. 17].

Не было нареканий к морякам польского происхождения и у капитана паруснофрегата «Одесса». Между тем, на этом судне по предоставленному списку несли службу матросы 1-й статьи Петр Рогоилский, Вицендий Гела, Яков Врублевский, [Неразборчиво. — Ю.К.] Ковалецкий, Клим Гайдук, Михайло Ягудинский, Кузьма Гай, Станислав Горбач; мастеровые Ян Беняк, Юзеф

Заводовский, Матын Кондра, Павел Ютон (?), Казимир Глимыш (?), Бартоломей Мсицарин (?), Петр Белявский, Осип Древица [14, л. 18 об.-19].

Ни один из командиров кораблей не стал порочить своих подчинённых и отстранять их от службы, хотя в случае побега либо их связей с инсургентами, он нес прямую ответственность за проступки.

Информацию и предложение М.М. Устинова решили довести до сведения императора. Николай I счёл недопустимым ущемлять своих подданных по национальному признаку и «Высочайше изволил, между прочим, отозваться, что отстранять поляков нести службу наравне с другими матросами нельзя и недолжно» [14, л. 20 об.]. Поэтому, в очередной раз напомнив, чтобы «была соблюдена строгая разборчивость и осторожность, а между тем, со стороны посольства нашего в Константинополе будут, по высочайшему повелению, приняты соответственные меры», никаких других запретов власти не допустили [14, л. 20 об., 24].

Когда весной 1854 г. русскому флоту пришлось эвакуировать гарнизоны крепостей, расположенных на черноморском побережье Кавказа, среди кораблей, привлечённых к этой операции были и паруснофрегаты «Крым» и «Одесса». Значит, и польские моряки, служившие на них, в очередной раз доказали свою преданность присяге и разделили все тяготы и опасности похода [7].

Отношение польского общества к Российской империи в рассматриваемый период оставалось поляризованным. Было немало тех, кто условно может быть отнесён к лагерю непримиримых. Такие люди не готовы были идти на компромисс и целью своей жизни видели борьбу с царской властью и русскими. Они считали кавказских горцев своими естественными союзниками в борьбе с империей и старались наладить контакты с племенами, участвовавшими в столкновениях с российской армией, поставляя им необходимые для этого вооружение и припасы.

Однако только этим палитра русско-польских отношений не исчерпывалась. Среди выходцев из Царства Польского мы видим и вполне лояльных к власти людей, которые будучи призваны в ряды армии и флота России оставались верными империи и вместе с сослуживцами честно и храбро осуществляли охрану и оборону южных рубежей страны. В силу политизации данной проблемы судьбы этих людей незаслуженно замалчивались, вместе с тем они сыграли важную роль в обретении Российским государством Кавказа и умиротворении этого региона.

Источники и литература

1. Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе в XIX-XX вв. / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. 260 с.
2. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
3. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

4. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / под редакцией В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГУ, 2019. 90 с.
5. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Люди фронта: польский след в северокавказской повседневности. Пятигорск: ПГУ, 2021. 316 с.
6. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
7. Р. И. Известия с восточного берега Черного моря // Особое прибавление к 30-му № газеты Кавказ. 1854.
8. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 2.
9. РГА ВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 3859.
10. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3860.
11. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3923.
12. РГА ВМФ. Ф.243. Оп. 1. Д. 4174.
13. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4177.
14. РГА ВМФ. Ф.243. Оп.1. Д. 4757.
15. РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4799.
16. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар: Кубан. гос.ун-т, 2008. 176 с.
17. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864. Warszawa, 2011. 268 p.

References

1. Bogolyubov A.A. Polyaki na SevernomKavkaze v XIX-XX vv. (Poles in the North Caucasus in the XIX-XX centuries). / ed by A.I. Selickii. Krasnodar: KSU publ., 2008. 260 p. (In Russian).
2. Degoev V.V. Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya (Caucasus and Great Powers 1829-1864 Politics, war, diplomacy). Moscow: Rubezhi XXI publ., 2009. 560 p. (In Russian).
3. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. «Nabezhevshimi hishchnikami vzyat v plen...»: polyaki v nevole u gorcev Severnogo Kavkaza («Captured by predators who came running ...»: Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus) ed by V.P. Ermakov. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 84 p. (In Russian).
4. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Pol'skie insurgenty v ryadah «nemirnyh» gorcev (Polish insurgents in the ranks of the «non-peaceful» highlanders) / ed by V.P. Ermakov. Pyatigorsk: PSU publ., 2019. 90 p. (In Russian).
5. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Lyudi frontira: pol'skij sled v severokavkazskoj povsednevnosti (People of the frontier: a Polish trace in everyday life in North Caucasus). Pyatigorsk: PSU publ., 2021. 316 p. (In Russian).
6. Matveev O.V. Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays). Krasnodar: Edvi, 2015. 272 s. (In Russian).
7. R.I. Izvestiya s vostochnogo berega Chernogo moray (News from the eastern coast of the Black Sea) // Osoboe pribavlenie k 30-mu nomery gazety Kavkaz. 1854. (In Russian).
8. Russian State Archives of the Navy (RGA VMF). F. 83. Inv. 1. D. 2. (In Russian). (In Russian).
9. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 3859. (In Russian).
10. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 3860. (In Russian).
11. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 3923. (In Russian).
12. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 4174. (In Russian).
13. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 4177. (In Russian).
14. RGA VMF. F.243. Inv. 1. D. 4757. (In Russian).
15. RGA VMF. F. 243. Inv. 1. D. 4799. (In Russian).
16. Selickij A.I. Polyaki na Kubani: istoricheskie ocherki (Poles in the Kuban: Historical Essays). Krasnodar: KSU publ., 2008. 176 p. (In Russian).
17. Widerszal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864 (Caucasian affairs in European politics in the years 1831-1864). Warszawa, 2011. 268 p. (In Polish).

Информация об авторе

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / klychnikov@mail.ru

Information about the author

Klychnikov Yurii Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Historic, Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / klychnikov@mail.ru